

АН · ВПЕРВЫЕ ·
РУССКОМ

УИЛЬЯМ САРОЯН

Папа,
ты сошел с ума

PREMIUM

Азбука Premium

Уильям Сароян
Папа, ты сошел с ума

«Азбука-Аттикус»

1957

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сароян У.

Папа, ты сошел с ума / У. Сароян — «Азбука-Аттикус»,
1957 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-13650-2

Предлагаем читателям впервые на русском отдельное издание повести Уильяма Сарояна «Папа, ты сошел с ума». Эта простая и трогательная книга состоит из небольших историй с двумя персонажами: отцом и сыном. Они собирают ракушки, готовят «рис по-писательски», путешествуют, разглядывают облака и звезды, обсуждают разные пустяки и важнейшие темы на свете. Перед ними открывается бесконечный мир, полный красоты и тайны.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-13650-2

© Сароян У., 1957
© Азбука-Аттикус, 1957

Содержание

Книга	6
Море	8
Луна	9
Котелок	11
Велосипед	13
Меч	15
Солнце	16
Мир	17
Яйцо	18
Ключ	20
Скала	22
Облако	23
Раковина	24
Бог	25
Лоза	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Уильям Сароян

Папа, ты сошел с ума

Араму Сарояну

William Saroyan
PAPA YOU'RE CRAZY

Copyright © 1957 by William Saroyan
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Гончар
Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова и Екатерины Платоновой

© Н. Гончар, перевод, 1964

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Что бы и когда бы ни написал писатель, одно вполне и всегда верно – он мог бы за это же самое время написать и что-то совсем другое. Начать новую книгу – это всегда значит решить, о чем и как ты напишешь. Такое решение – половина книги для каждого писателя, больше чем половина – для некоторых, для меня же оно – вся книга. Сесть и написать ее уже невеликий труд, и писателю ничего не стоит с ним справиться. Я решил написать эту повесть потому, что так попросил меня ты, в 1953-м, когда тебе было десять, и потому, что в 1918-м, когда я сам еще был десятилетним мальчишкой, мое писательское искусство не равнялось тому, что я хотел бы сказать. И вот теперь наконец я ее написал, я, а вернее – ты. И сделать для этого мне пришлось совсем немного – только вспомнить себя десятилетним, наблюдать – тебя, сложить наши «десять» вместе и прибавить к ним мои «сорок пять». Твой голос и твоя походка – плоть этой книги, твой взгляд – ее стиль, ясный и непосредственный, окрашенный то серьезным раздумьем, то ироническим восклицанием, то загадочным смехом, смотря по тому, оказывается ли предмет, тебе открывшийся, подлинным или фальшивым, или – и тем и другим, или – ни тем ни другим. Вложить все это в простое повествование – легчайшее дело на свете, когда ты уже начал его и делаешь, и вот оно – сделано. Благодарю тебя и люблю.

Уильям Сароян

Книга

– С днем рождения, – сказал мой отец.

Он вытащил из кармана пиджака книгу и вручил ее мне.

– Спасибо, папа, – сказал я. – Это как раз то, чего мне хотелось.

– «Нижняя челюсть», – сказал он. – Моя последняя и заключительная повесть. Прими же ее, а с ней заодно и мой труд.

Я оглядел «Нижнюю челюсть» снаружи. После чего я взглянул на первую страничку и потом на последнюю.

С виду книга была превосходная.

– Какой такой труд? – сказал я.

– Труд написания повести.

– Я не знаю, как они пишутся.

– Только великий писатель вправе похвалиться, что знает, – сказал мой отец. – Тебе же до этого еще далеко.

– Пусть так, но о чем бы я мог написать?

– О себе, конечно.

– О себе? А кто я?

– Напиши свою повесть и выясни. Что касается меня, то я намерен писать поваренную книгу.

В это время вернулись домой моя мать и сестренка, выходявшие за покупками, и мать моя сказала:

– Подумать только! Ему десять лет!

– Да, – сказал мой отец. – А девочке восемь, а мне сорок пять, а тебе двадцать семь. Не знаю, как это вообще у нас получилось, но полагаю, что не без некоторой помощи еды.

– Да, – сказала моя мать, – и это когда все так дорого. Сколько, по-твоему, мне пришлось заплатить за эти покупки?

– Два доллара?

– Двадцать два!

– Надо бы тебе научиться стряпать.

– Папа собирается писать поваренную книгу, – сказал я матери.

– Да, а Пит собирается писать повесть, – сказал мой отец. – Итак, сегодня первое число, а я, к сожалению, все без денег.

– Но как же мне быть? – сказала моя мать. – У меня десятилетний сын и восьмилетняя дочь, и должна же я прокормить их?

– Вот одна из причин, побуждающих меня писать поваренную книгу, – сказал мой отец. – Возможно, она научит тебя, как экономить на еде.

– Чем нам, по-твоему, питаться? Рисом?

– Я, видишь ли, толком еще всего не обдумал. Так что ты уж протяни пока с тем, чего накупила.

– Через три дня от всего от этого и крошки не останется.

– Продержись как-нибудь. Денежных поступлений у меня никаких не предвидится, а просить аванса не могу, пока не начну свою поваренную книгу. Продержись как-нибудь хотя бы месяц.

– Невозможно, – сказала моя мать. – Он столько ест. На него-то и уходит вся еда.

– А если я заберу его к себе?

– Но тебе придется его кормить.

– Разумеется.

- И он должен будет ходить в школу.
- Разумеется.
- Ладно, – сказала мама. – Забирай его.

Море

Мы попрощались с моей матерью и сестрой и пустились в путь вниз по пригорку, к шоссе, рассчитывая поймать там попутную машину и доехать до Малибу – всего в одиннадцати милях, – где на самом взморье находится дом моего отца.

Отец не разрешил, чтобы мама подвезла нас до дому. Он хотел, чтобы я приучался к трудностям.

– В жизни человека тяжелые времена выдаются чаще, чем легкие, – сказал он, – так что чем раньше ты начнешь к ним приучаться, тем лучше для тебя.

– Ну что ж, согласен.

Мы прошагали почти километр по улице Заходящего Солнца, вышли на другую, пересекающую, проехали на грузовике километров восемь-девять, отмахали еще один или два пешком и наконец добрались до места.

Был час прилива, когда мы подошли к дому моего отца. Всю дорогу солнце шло рядом с нами, опускаясь все ниже и ниже в море. Не передохнув, мы сразу же спустились на берег – побродить, посмотреть, не найдем ли там чего-нибудь подходящего, чтоб развести огонь или же просто подержать в руках и полюбоваться, – водоросль, гальку, ракушку. Мы набрали на ящик от кока-колы, и отец мой подобрал его и сказал, что он может нам пригодиться, а я все не мог представить – на что? Разве только держать в нем бутылки? Мне попалась закрученная спиралью ракушка, и отец сказал про нее, что это настоящий трофей и такая штука, которую стоило бы рассматривать и изучать всю жизнь.

– В этой спиралевидной раковине есть нечто от форм и движения небесных тел, – сказал он, и я снова оглядел ракушку, снаружи и внутри. Смотреть на нее было и в самом деле приятно; она была большая, почти с половину моей ладони, серовато-белая с черными прожилками и кое-где насквозь пробитая морем, так что мне было видно, как вьется внутри спираль.

Мы прошли немного по берегу, туда и обратно, и впридачу к своим находкам подобрали еще с полдюжины голышей, круглых и маленьких, как грецкие орехи, да обрывок сухой водоросли.

Когда мы вернулись домой и поднялись по лестенке на крыльцо, отец мой присел возле кучи водорослей, которые он уже раньше натаскал сюда с берега, порылся в ней и отобрал целую охапку, чтобы развести в камине огонь.

– Если хочешь знать правду, – сказал он, – бо`льшая часть этих водорослей слишком хороша, чтобы быть сожженной.

Я распахнул входную дверь, чтобы он мог свободно пройти в дом, неся в обеих руках топливо. К тому времени, когда он заложил в камин кучу порванных газет и на них водоросли, уже смерклось, но я еще не зажигал света, так как знал – мой отец любит, чтобы первый вечерний свет шел от огня. Он сунул в рот сигарету, закурил, бросил горящую спичку в камин. И за то мгновение, что понадобилось моему отцу, чтобы раз только затануться и выдохнуть дым, огонь заполнил комнату своим светом – светом, который непохож на электрический, светом, который лучше, добрее, теплее. И на стенах комнаты сразу замелькали тени, запрыгали вверх и вниз.

Луна

– Мне приятно, что ты в моем доме, – сказал отец.

– А мне приятно, что я здесь, – сказал я.

– Теперь давай придумаем, чего бы нам поесть. В нашем распоряжении несколько помидоров, которые я собрал с моих же собственных грядок в маленьком огороде на холме, чуть пониже дома. И еще у нас есть немного риса и оливковое масло. Вот из этого из всего я и сварю сейчас в кастрюле нечто такое, что можно было бы назвать «рис по-писательски», поскольку оба мы отныне писатели.

Отец мой взялся за приготовление «риса по-писательски», а я тем временем принялся размышлять о книге, которую, по его словам, мне предстояло писать и писать... конечно, это шутка, но кто знает? Может быть, я и вправду напишу повесть, хотя в общем-то никогда всерьез и не думал, что стану писателем.

Вот уж кем я действительно хочу стать, так это летчиком! Я хочу полететь на Луну – в самой первой ракете. Как-то раз я признался в этом отцу, и он сказал: «Я думаю, тебе удастся».

В один прекрасный день я, наверно, пойму, что мне совсем и не удастся, но пока я ничего такого не понимаю.

Я хочу быть первым человеком на Луне.

Но если придется, я могу стать и писателем. Если кто-нибудь опередит меня по части Луны, ну что ж, тогда я стану писателем и заведу себе дом, такой же как у отца.

Не знаю, сделаю ли я это так, как мой отец, то есть сначала женюсь, обзаведусь сыном, а потом дочкой и наконец уйду – из-за телефона.

– Ты замужем не за мной, а за телефоном, – сказал однажды отец матери.

А мать моя в ответ сказала, что она имеет ровно столько же прав на друзей, сколько он – на писательство. Она сказала, что она молодая женщина, а не кухарка и что ей хочется друзей и развлечений.

Я стал рассматривать книги моего отца, дивясь, как он мог написать их такое количество, и за этим занятием, потихоньку, сам того не заметив, я достиг наконец Луны.

– Что подумают люди, когда я первым сделаю это?

– Когда ты первым сделаешь что?

– Когда я первым окажусь на Луне?

– Они поверят. В ту самую минуту, когда ты окажешься первым человеком на Луне и весть о твоём полете захлестнет все газеты мира, люди все до единого в это поверят.

– А почему бы им не верить?

– Потому что, покуда ты не попал на Луну, никто не верит, что ты можешь туда попасть.

Но стоит только тебе попасть, и они сразу в это поверят. Так уж устроены люди.

– А ты разве не так устроен?

– Нет.

– Как же ты устроен, па?

– Я, видишь ли, не говорю, как все: тебе не попасть на Луну. Я говорю иначе: зачем ты хочешь на Луну?

– Чтобы быть первым на ней, зачем же еще! Взбираются же разные так парни на вершины гор. Почему они это делают? Потому что есть на свете горы. Так они отвечали людям, которые их спрашивали. Я хочу первым полететь на Луну, потому что она тоже есть на свете и потому что никто еще не побывал на ней.

– Прекрасно, – сказал мой отец.

– В жизни мне не попасть на Луну, правда, па?

– Отчего же?

– Ха!

– Что бы значило твое «ха»?

– Знаешь, па, просто мне хочется сделать что-нибудь, вот и все. А то ведь скука.

– Скука ли?

– Конечно скука.

– И что же ты хочешь сделать?

– Вот тут-то и загвоздка. Я не знаю. Потому и думаю о Луне. Честное слово, мне хочется сделать что-то.

– Еще бы.

– Только вот делать – нечего. Нет настоящего дела.

– В таком случае – за стол, поесть – тоже дело.

Отец мой поставил на стол две тарелки с «рисом по-писательски». Мы сели и принялись за еду.

Котелок

«Рис по-писательски» – это нечто такое, что в доме моего отца можно обнаружить в любом углу – в кладовке, в холодильнике, на буфетной полке, на кухонном столе, в чашке, в банке, в пакете и в чем придется – нечто, приготовленное из риса и единственное в своем роде.

– Из риса можно состряпать что угодно, – не раз пытался доказать мой отец моей матери, но тщетно – она никак не брала это в толк и сыпала вопросами: «А можно положить в рис сыру?» Или: «А можно залить рис томатным соусом?» Или: «А можно в него добавить зеленого лука?»

– Ну как, нравится? – поинтересовался отец.

– В жизни не ел ничего хуже.

– Кастрюля еще почти полная.

– Где мой стакан молока?

– Вот прекрасная вода. Тебе уже десять лет.

– Что на сладкое?

– Ничего сладкого.

– Видать, с едой тут у тебя небогато.

– Еды в этом доме хватит на целый месяц. А если понадобится, и на три.

– Для нас обоих?

– Конечно. Что такое еда? Еда – это то, чем набивают желудок, и только. Завтра я приготавливаю для нас полный котелок красной фасоли.

– А как насчет жареного мяса?

– Никакого жареного мяса.

– А как насчет пирога?

– Никаких пирогов.

– А как насчет денег?

– Брось. Я не намерен превращаться в правильного папашу ради какого-то десятилетнего комика.

– И все-таки, как насчет денег?

– Никаких денег.

Мой отец принес и поставил на стол горячую еще кастрюлю, снова наполнил свою тарелку, потом мою, и наконец в кастрюле ничего не осталось.

Это было далеко не лучшее из всего, что я ел когда-либо, но все равно я съел все, что мне полагалось, не забыв на тарелке ни единой крупицы. Я набил себе желудок. Голодным я сел за стол, был голоден, пока ел, и голодным же встал из-за стола.

– Ешь то же, что я, – сказал мой отец, – и ты вырастешь сильным и стойким.

– Может, фасоль повкуснее этого риса?

– Когда нам завтра придет время ее поесть, она окажется вкуснее всего на свете.

– Каким это образом?

– Ты и я, – сказал мой отец, – мы оба писатели. И каждая вещь на свете для нас больше и лучше, чем для кого бы то ни было. Ты все время пишешь свою повесть.

– Я не знаю, с чего начать.

– Этого не знал ни один писатель. И ни один не знал также, *когда* именно он начал.

Что ж до твоей повести, то она начата уже давно.

– Без шуток?

– Без.

Я вскочил с места и пустился в пляс, и мой отец разразился смехом, тем самым смехом, который так мне нравится, чудесным смехом сумасшедшего голодного писателя.

Велосипед

Отец перемыл тарелки, и мы вышли из дому и поднялись по лесенке к гаражу и выкатили оттуда наши велосипеды. У отца велосипед марки «Ралей», с прошлого года, а у меня – невысокий двухколесный велосипед, его купили в Сан-Франциско, когда мне не было еще и четырех. Это один из самых маленьких двухколесных, и вилка у него дугой. Мать надумала отдать его Армии спасения, но отец сказал: «Я хочу забрать этот велосипед». И он забрал его и поставил у себя в гараже. И сейчас он направился к моему красному маленькому велосипеду и сказал: «Если хочешь, можешь покататься на большом, пока я приведу в порядок малютку».

«Ралей» – это, конечно, настоящий большой велосипед, но я все равно с ним справляюсь, и не хуже, чем с маленьким. Однажды я уже ездил на нем, когда отец впервые пригнал его домой, так что сейчас я преспокойно взобрался на него и покатил по Малибу-роуд. Через какую-нибудь минуту «Ралей» уже шел у меня как по маслу, и мне захотелось подольше пробыть в доме моего отца. Однако я подумал, что было бы глупо приставать к нему с этим; я знал, что это такой вопрос, который решает мама. Она может вдруг, ни с того ни с сего, позвонить по телефону и сказать: «Привези его домой». И тогда отец доставит меня обратно, в дом моей матери, где у меня есть своя просторная спальня, свой холл и своя ванная комната. Я очень люблю свою половину дома. Я люблю и весь дом, и палисадник, и двор, и наш пригорок, поросший кустами, среди которых так хорошо играть, но что там ни говори, все это далеко не то, что дом моего отца.

Я подумал, а что, если я все-таки поговорю об этом с отцом, и, сделав поворот, покатил назад к гаражу. Отец мой драил спицы на красном велосипеде, перевернув его вверх колесами.

– Па?

– Угу.

– Как по-твоему, согласится мама, чтобы я побыл здесь подольше?

– Не знаю.

– А если она согласится, па, ты разрешишь мне?

– Почему бы и нет?

– Видишь ли, па... Тебе сорок пять, а мне десять.

– Совершенно верно.

– Предположим, тебе понадобилось куда-то съездить, и я должен остаться дома один.

Если я научусь и в таких случаях сумею сам о себе позаботиться, ты разрешишь мне пожить здесь сколько-то времени?

– Тебе, может, завтра же захочется домой.

– Нет. Мне не захочется.

– Ну что ж, договоримся с тобой так: ты можешь оставаться здесь, пока тебе хочется или же пока тебе позволяет мама.

– А ты?

– Я вынужден здесь оставаться.

– Нет, я хочу сказать, ты-то как на это смотришь? Ты мне на сколько разрешишь тут остаться?

– Что до меня, то оставайся до тех пор, пока тебе надо будет уехать.

И мой отец вскочил на большой велосипед и понесся вниз по Малибу-роуд с самой что ни на есть предельной скоростью. Никогда я не видел, чтобы кто-нибудь мчал на велосипеде так быстро. Я тоже сел на свой маленький красный, который теперь стал слишком мал для меня, и попробовал выжать из него все, что возможно, но я знал, что отца мне все равно

не догнать. Он мчал все дальше по шоссе, потом вдруг повернул и уже медленнее поехал обратно.

– Я хочу, чтобы ты запомнил вот что, – сказал он мне. – Ничего в твоей жизни не должно быть только так и никак иначе. Ты можешь оставаться у меня, пока не захочешь домой. Ты можешь вернуться ко мне, когда тебе снова захочется. И это, и все остальное в твоей жизни не должно быть только так и никак иначе.

– Понятно, па.

Меч

Отец мой знает, что временами я злюсь на него, а порой даже ненавижу. Он сам сказал мне однажды, что знает, а я-то все время думал, что это мой секрет. Он говорил со мною об этом, как о чем-то вовсе нас не касающемся. Он сказал, что вполне естественно, чтобы сын время от времени испытывал ненависть к своему отцу, а равно и к матери, иногда же – ко всем на свете.

– Человек способен любить, – сказал он, – но способен также и ненавидеть. В основном он, конечно, любит, но и без ненависти ему не обойтись. Ненависть – полезнейшее чувство, если его правильно понять.

Когда мой отец сказал, что завтра же утром мне, может быть, захочется домой, к матери, я разозлился на него и закипел ненавистью. От отца моя ненависть не укрылась, и мне сразу сделалось стыдно.

Мы спустились по лестенке из гаража, вошли в дом, и отец включил проигрыватель и поставил свою любимую пластинку – концерт Моцарта. Он подошел к окну и стал смотреть на море. А мне пришло в голову покопаться в его рабочем ящике и проверить, все ли инструменты на месте. Было очень тихо. И очень тихо играл рояль, очень тихо, но не так, чтоб его не расслышать и не угадать, что он скажет дальше.

Я сказал отцу:

– Ты хочешь, чтоб я завтра уехал?

Он не обернулся. И не ответил сразу, но я знал, что рано или поздно он ответит.

– Слушай, – сказал он наконец.

Он заговорил очень тихо, но я все равно слышал, и его слышал, и рояль, и впечатление было такое, будто музыка и слова его текут в согласии друг с другом.

– Слушай, – сказал он. – Ты и я, сын и отец, всякий сын и всякий отец – это в сущности один и тот же человек, только первый моложе, второй старше. Но в то же время мы и не знаем друг друга. Как не знаем чужого. Как не знаем случайного встречного. Я, конечно, хочу, чтобы ты остался, но мне ненавистно думать, что ты, может быть, сочтешь себя обязанным остаться, дабы доставить мне удовольствие.

– Я не останусь, если не захочу.

– Спасибо.

Солнце

Многое в эту ночь приключилось со мной во сне, но бо́льшую часть я забыл. Не забыл я только одно – что летал. *Сам*, то есть без самолета, без ракеты и не как птица, просто сам – летал и был очень горд, оттого что это у меня так легко получается.

Моя мать была страшно удивлена.

– Смотри не упади, – сказала она.

Моя сестра была удивлена пуще матери. Она все бежала за мной и нудила:

– Я тоже хочу летать. Научи меня.

Мой отец сказал:

– Недурно.

Я проснулся, услышав, как отец стучит на машинке. Но и не проснувшись еще, я слышал стук его машинки и, надо полагать, довольно долго, так как помню, что мне приснилась еще уйма всякой всячины, и все под этот стук, только во сне мне казалось, что это бьет барабан, и время от времени я принимался маршировать, точно солдат на параде, с той лишь разницей, что маршировал я один. Но стоило мне и в самом деле очнуться, как я тут же соскочил с постели и кинулся в столовую. Отец мой сидел за карточным столиком, таким, который можно складывать и убирать в чулан. Он работал при свете электричества, потому что было еще темно.

– Можно мне одеться?

– Конечно.

– Который час?

– Скоро шесть. Через несколько минут будет уже светло, так что, если хочешь, спустись на берег и поищи там чего-нибудь, пока я достукаю первую главу поваренной книги.

– Хорошо.

Я наспех оделся и помчался на берег. Я примчался туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как с востока над холмами восходит солнце. Небо было покрыто множеством серых облаков, загораживавших солнце, но солнечный свет нащупал прорывы между облаками и заструился сквозь них – веселый и яркий. Я пустился на поиски «трофеев» и нашел несколько камней и ракушек и еще обрывок водоросли. Но того, что мне по-настоящему хотелось найти, я не нашел. Я не нашел набитого золотом и сокровищами сундука с пиратского судна. Я никогда не найду его, знаю, потому что мне достаточно много лет, чтобы знать это, но всякий раз, когда я спускаюсь на берег, у меня мелькает мысль о нем, мысль и надежда, что все-таки я его найду.

Мир

Когда я вернулся домой, отец мой отложил в сторону работу и постелил на картонный столик газеты. Потом он расставил на столе тарелки, чашки, блюда и прочее и пошел на кухню готовить что-то на завтрак. Я показал ему свои камни, ракушки и водоросль, и он сказал:

– Они просто замечательные. Все твои находки замечательные. Подержи их теперь под краном и внимательно рассмотри каждую. Внимательно рассматривать каждый предмет – это и есть способ выработать в себе писателя.

Так что пока отец хлопотал у плитки, я вымыл камни, ракушки и водоросль и стал рассматривать их очень внимательно, поворачивая во все стороны, чтобы увидеть их по-всякому, и тогда... чего только я не увидел! Я увидел такое, чего мне не увидеть было ни в жизнь, не присмотрись я к ним так внимательно. Я увидел, что каждая мельчайшая вещица в мире гораздо больше, чем она кажется. Был среди моих находок камешек размером с пол-орешка; он был черный, в редкую красную крапинку, четкая белая линия отделяла одну его часть от другой, и крохотный камень выглядел вроде как целый мир – с этой белой линией, разделяющей воду и сушу. О многом пораздумал я, глядя на этот камешек, и радостно стало мне, что я способен увидеть предмет так ясно, увидеть такой маленький предмет таким большим, почти таким же большим, каким бывает все и повсюду.

– А тебе снилось что-нибудь, па?

– Ну, если говорить без утайки, – начал мой отец, – то этой ночью мне действительно снился сон, и я даже помню какой. Было раннее утро. Я шел по улице и вдруг увидел у самых своих ног целую пачку новеньких ассигнаций. Видно, кто-то обронил ее по дороге в банк. Я подумал, хорошо, если бумажки не однодолларовые, ведь тогда это всего лишь пятьсот долларов, а вот окажись бумажки по десять долларов, в моем распоряжении будет пять тысяч.

– Какими же они оказались, па? По доллару или по десять?

– По *сто*!

– Пятьсот бумажек по сто долларов?

– Вот именно.

– И сколько же это всего?

– Пятьдесят тысяч.

– Ух ты! И что же ты сделал с этими деньгами?

– Я проснулся. Иди-ка теперь умойся и давай завтракать.

Яйцо

Я умылся и сел за стол, и вскорости мой отец притащил из кухни горячую сковородку с чем-то и поделил ее содержимое между нами.

– Что это такое?

– Яйца Малибу.

– То есть?

– Яйца, приготовленные мною в Малибу.

– Из чего это?

– Прежде всего оливковое масло, ибо оливковое масло гораздо дешевле сливочного, оно полезнее для находящегося в процессе роста мальчика или мужчины и вдобавок больше подходит к яйцам. Три дольки чеснока, ибо чеснок, поджаренный на оливковом масле, сообщает маслу особо приятный дух и вообще служит замечательной приправой. С десяток зеленых перцев, мелко нарезанных. Две-три веточки петрушки. Какой-нибудь сыр, какой случится под рукой, – небольшое количество, или большое количество, или любое количество. Два яйца – два, а не четыре – разбить и в миску. Немного соли и красного перца, немного молока, свежего или баночного, немного муки. Смешать все это вместе и сбить, сбивать долго или недолго, не имеет значения сколько. Полученную смесь вылить в шипящую сковородку с маслом и всем прочим, что в ней поджаривалось. Когда вылитая смесь отшипит свое и вся влага из нее испарится, подождать полминуты и, сложив круг в сковороде пополам, перевернуть его. Еще полминуты – и обе стороны уже приятно золотятся, и вся штука готова, не подгорев и не затвердев. Жидкость в чашке не что иное, как чай. Я достану для тебя сегодня немного молока, но покамест и чай тебе не повредит. Конечно, если пить его не очень много и не очень крепким. В тарелке этой помидор, нарезанный кружками. Можешь поесть его, а можешь и не поесть. Сам я люблю помидор к завтраку.

– Ты взаправду собираешься писать поваренную книгу, па?

– Конечно. А ты взаправду собираешься писать повесть?

– Я б хотел.

– Но собираешься ли?

– Я не знаю, как правильно писать «помидор».

– А как насчет «картошки»?

– И «картошку» писать не умею.

– Что ж ты умеешь писать?

– Свое имя.

– В таком случае можешь приступить к повести. Ты к этому готов.

– А ты, па, умеешь писать правильно?

– Я умею писать правильно только те слова, написание которых знаю, но случается, я забываю, как пишутся даже и эти слова.

– Что же ты тогда делаешь?

– Употребляю другое слово.

– Ты не заглядываешь в словарь?

– Заглядываю, но не для того, чтоб проверить, как пишется слово.

– Раз так, для чего же он тебе?

– Я читаю его – удовольствия ради. Словарь – чудесная повесть, поэма, целая громадная книга высказываний на темы жизни и искусства.

– Но чудеснейшая из книг – это Библия, правда?

– Хорошая книга.

– И из всех бестселлеров бестселлер, правда?

– Говорят. Всякий раз, когда над издателем повисает угроза разорения, он предпринимает новое издание Библии.

– Почему Библия так популярна?

– Я думаю, потому, что ее никто не читает.

– А что же с ней делают?

– Ее имеют.

– А что проку?

– Так надо, пожалуй. Иметь в своем доме Библию – это все равно что иметь пред собственным оком миф рода человеческого.

– А что это такое – миф рода человеческого?

– Ты и я, и как мы едим.

– И все?

– Ну ладно, давай скажем так: ты и я, твоя мать и твоя сестра. Вот тебе и весь миф о человеке. Мужчина и женщина, которые становятся отцом и матерью нового мужчины и новой женщины.

– А как же самолеты, ракеты на Луну и тому подобное?

– Все это мужчина и женщина, а потом – новый мужчина и новая женщина.

– Не хочу я в этот миф.

– В какой же ты хочешь?

– В свой собственный.

– Прекрасно. Теперь два слова о школе.

– Не хочу в школу.

– В школу ты должен ходить.

– Почему?

– Чтобы усвоить, как пишутся «помидор» и «картошка», а также ради других вещей.

– Ради каких это других вещей?

– Ради того, чтоб видеться с братьями своими и сестрами.

– Слава богу, у меня одна-единственная сестра и в школе я ее вряд ли увижу.

– Но все остальные мальчики и девочки тоже твои братья и сестры.

– Не желаю я, чтоб они были мне братья и сестры.

– Даже если так, они все равно твои братья и сестры.

– С какой еще стати?

– Миф рода человеческого.

– Ну его к черту, род человеческий! Я из сверхчеловеческого, па!

Ключ

Отец мой позвонил кому-то, кого назвал Джоки, и спросил, не согласится ли этот Джоки по пути на работу в Пасифик-Палисэйдс заехать за мной, а потом, после работы, подбросить меня домой из школы.

Джоки заехал за мной и потом доставил домой, но оказалось, что зовут его Эдвардо Джонфала и что он вице-президент банка.

После школы я сказал отцу:

– У меня есть идея, па.

– Без сомнения.

– Давай завтра утром отправимся вместе с Джоки в банк, подождем, пока он откроет ключом дверь, войдет в комнату, отопрет сейф, а как только он все это сделает, привяжем его к стулу, заберем из сейфа все деньги и – домой.

– А дома что с ними сделаем?

– Посчитаем.

– Ежели тебе охота считать, – сказал мой отец, – то высчитай, пожалуйста, девяносто девять фасолин из этого вот мешочка.

– Хорошо, – сказал я, – но фасолина ведь не доллар.

– Разумеется, не доллар.

– Зачем тебе девяносто девять фасолин?

– Затем, чтобы приготовить нам обед.

– Получу я сегодня свое молоко?

– Получишь.

– Терпеть его не могу.

– Известное дело. Сколько ты насчитал?

– У меня уже три кучки по девять фасолин в каждой, но среди них есть несколько очень мелких и несколько щербатых. Как ты хочешь, чтоб я и их считал вместе с другими или же нет?

– Нет. Отсчитай мне только целые, не важно – большие или маленькие, а щербатые отложи в сторону.

– И что ты сделаешь с ними?

– Брошу в котелок вкупе со всеми прочими.

– А зачем я считаю?

– Девяносто девять целых фасолин, – сказал мой отец, – плюс восемь или девять щербатых – это отличная мера, и кроме того, мне хотелось бы, чтобы ты порассмотрел эти фасолины повнимательнее. Скажи, пожалуйста, что ты в них еще заметил, к примеру?

– Ну, на некоторых, к примеру, кожура лопнула, а на этих двух набухла. Считать такие?

– В сторону, вместе с щербатыми. Я сам на них погляжу. Ты закончил?

– Да. Одиннадцать кучек по девять целых фасолин в каждой и отдельно – семь щербатых, три с лопнувшей кожурой и две с набухшей.

– О чем же свидетельствует все это, вместе взятое?

– О том, что совершенно одинаковых фасолин не бывает.

– О чем еще?

– Наверно, о том, что на свете не бывает двух совершенно одинаковых вещей.

– Молодец. Похвально. Теперь ты можешь переодеться, то есть сменить брюки на шорты, и спуститься на берег. Жди меня там. Как только я поставлю фасоль вариться, тоже надену шорты, спущусь к тебе, и мы побежим наперегонки к Красной скале.

– Ух ты!

Я натянул свои шорты и в мгновение ока скатился на берег. Через несколько минут подоспел и отец.

Скала

Красная скала в трехстах ярдах к востоку от дома моего отца. Откуда я это знаю? Так мне сказал отец. Мы с ним называем иногда эту скалу Красной чудо-скалой, потому что она одна на всем побережье – красная. Все остальные скалы здесь черные, разных черных цветов, она же – красная и к тому же со множеством оттенков. И высится она не у самой воды, а в некотором отдалении, так что море до нее докатывается только в самый сильный прилив.

Мы оба бежим обычно во всю мочь, не щадя сил. Условия соревнования предложил однажды я сам. Кто первым добирается до вершины, тот провозглашается победителем гонки и Королем чудо-скалы. В первый раз отец не соглашался бежать всерьез, он сказал, что слишком для этого стар, но я возразил, что не так уж он стар, и в конце концов он все-таки побежал, и вышло по-моему, то есть вышло, что вовсе он и не стар.

Когда мы с отцом устраиваем гонки, бег обычно начинаю я. Я командую: «Приготовься! Внимание! Старт!»

Отец мой на бегу всегда разговаривает. «Кажется, на сей раз быть тебе в хвосте», – поддевает он меня. «Да что ты!» И я весь превращаюсь в скорость и перегоняю его, и тогда он говорит: «Ну что ж, ты просто слишком скор для меня. Ты просто слишком молод, вот и все».

То же самое и сегодня – как только отец спустился к морю, я подал команду к забегу и первым сорвался с места. Это была настоящая хорошая гонка, и даже превосходная, и, может быть, лучшая из всех, какие бывали у нас, потому что отец мой разбежался не на шутку. Он трижды обгонял меня, но я все-таки пришел первым. Не думаю, чтобы он мог обойти меня, даже если старался бы изо всех сил. Я спросил его об этом, и он сказал: «И сегодня, и во все другие разы я старался изо всех сил».

Мы стояли на вершине скалы и смотрели на огромное море. Немного погодя мы сели – отдохнуть и поболтать.

Облако

- Ну, – начал мой отец, – что скажешь?
- Море как раз для меня. Когда-нибудь, па, я заведу себе дом вроде твоего.
- Что скажешь о школе? Вот о чем мой вопрос.
- А что о ней говорить?
- Как прошли занятия? Благополучно?
- К директору меня во всяком случае не посылали.
- Это уже неплохо. А сестренку свою ты видел?
- Она разыскала меня во время большой перемены на спортплощадке.
- Как она выглядела?
- Как всегда.
- А что говорила?
- Что ей тоже хочется приехать пожить здесь немного.
- В самом деле?
- Да. Она сказала, что нечестно с моей стороны жить здесь у тебя, а ее и не пригласить.
- Как-нибудь я поинтересуюсь у вашей мамы, можно ли мне привезти сюда и девочку.
- Не надо, па. Оставь ее там. Хватит ее с меня и дома.
- Не сейчас. Позднее.
- Не великая это радость иметь сестру, которая вечно вертится возле тебя.
- Ладно. А что дальше?
- Не знаю, па.

Потом мы просто сидели. Я ничего не говорил, отец тоже. Он растянулся на скале и закрыл глаза. Я лег рядом с ним и стал смотреть прямо в небо.

Я увидел там белое облако и долго следил за ним. А спустя некоторое время я уже был наверху, на облаке, разгуливал по нему и с высоты обзирал землю.

Вскоре туда же заявила моя сестрица и сказала, что у нее не меньше прав разгуливать тут, чем у меня. Я ответил, что если уж она доставила себе труд добраться сюда, то может и побыть немного.

- Но, пожалуйста, не очень тараторь.

Она сказала, что вообще не будет тараторить, и все равно столько тараторила о том, что не будет тараторить вообще, не произнесет ни единого словечка, что мне наконец надоело и я потребовал, чтобы она либо перестала, либо катилась обратно. Тогда она перестала, и мы вместе прошлись по всему облаку и поглядели на землю внизу.

Наконец я спустился с облака на нашу скалу.

– Давай не будем больше бежать, – сказал мой отец. – Давай пойдем по воде вдоль берега и обыщем черные скалы, и если нам попадется несколько славных жирненьких мидий, то я возьму их домой и приготовлю на завтра к ужину, потому что мне отлично известно, что ты терпеть их не можешь.

Раковина

Мы спустились с Красной скалы и зашлепали по воде – в сторону дома. Мы задерживались у каждой из черных каменных глыб, чтобы посмотреть, не найдется ли на них несколько славных жирненьких мидий. Прямо напротив нас медленно закатывалось солнце. Мы обнаружили на черных камнях множество маленьких моллюсков, слишком маленьких, чтобы стоило собирать их, нести домой и возиться с ними, но потом отец разыскал и такое место, где скопились как раз самые крупные, самые что ни на есть дозревшие. Он стал отдира- рать их от камня и рассовывать по карманам, а когда наполнил свои, стал давать их мне, и я тоже набил себе карманы, и еще по несколько штук осталось у нас в руках, и мы пришли домой и высыпали всех этих моллюсков в мойку, и пустили на них воду из крана, и отец мой взялся за рыбацкий нож и дочиста выскреб каждую ракушку.

Как-то раз мы с отцом ходили рыбачить с черной скалы, что поближе к его дому, и я помню, мы собирали тогда со скалы моллюсков, раскрывали створки раковин и то, что было внутри, использовали для наживки. У того, что внутри, цвет в общем оранжевый и только по краям чуть-чуть черный. Сама раковина черная с примесью лилового, и в ней должно быть по меньшей мере шесть дюймов длины, если вы хотите поесть то, что она в себе пря- чет. Раковина и ее содержимое вместе составляют моллюск, но для человека, собирающе- гося сделать из моллюска еду, важно только содержимое. А для самого моллюска, находя- щегося внутри раковины, важнее всего раковина, потому что без нее он ни жить, ни расти не может. Маленькие моллюски живут в раковинах-малютках, которые бывают иногда совсем крохотными, но все равно даже у самых крохотных ракушек форма такая же, как и у всех, – форма ровного красивого миндаля. Случается, что, отодрав от камня моллюска, ты отдира- ешь заодно с ним и пять-шесть малышек, уцепившихся за большую раковину своими малы- шьями усиками, и смотреть на такое бывает очень приятно, потому что ракушки-малютки необыкновенно чистые и гладкие и вдобавок, глядя на них, ты помнишь, что там, внутри, живет себе поживает маленький моллюск. Я часто думаю о моллюсках и их жизни внутри раковин, и иногда мне кажется, что несправедливо это – извлекать их оттуда, где они живут. Но отец мой говорит, что никакой несправедливости тут нет, а если и есть, то не так она велика, чтобы портить себе из-за нее настроение.

– Но ведь они живые? – спросил я его однажды.

– Да.

– А когда мы срываем их с камня, они умирают.

– Да.

– Значит, мы делаем им больно.

– Нет.

– Как же так?

– Анестезия, обезболенность, – сказал мой отец. – Мы единственные существа, кото- рым она не свойственна. Мы живем, и сами же сознаем это, нам делают больно – мы чув- ствуем эту боль.

Бог

У нас с отцом завязался долгий разговор о том, кто такие мы и кто такие животные.

Я закидал его множеством вопросов, как это делал и делаю всегда, и он подробно отвечал на все, доваривая одновременно фасоль, и наконец он кончил и подал мне знак приготовить стол.

Это значило, что я должен пристроить карточный столик возле высокого окна с зеркальными стеклами, приставить к нему два стула и постелить на столик газеты. Я стараюсь стелить газеты так, чтобы на мою сторону приходились комиксы, и, пока ем, просматриваю их, отцу же подсовываю страницы со всякими статьями и хроникой. Старые газеты куда удобнее скатерти. Сначала, пока сидишь за едой, читаешь то, что в них напечатано, а когда кончил, все, что от тебя требуется, это скомкать твою скатерть и бросить ее в камин.

– Сейчас я коротко доложу тебе, что у нас на вечер, – сказал отец. – Мексиканская фасоль. Тушеная. Девяносто девять красных фасолин, кружка воды, одна головка лука, мелко нарезанная, один зеленый перец, четыре веточки петрушки, четыре дольки чеснока, три столовые ложки оливкового масла, три помидора, немножко соли, толченых сухарей и красного перца...

– И сколько времени тушить?

– Пока фасоль не размягчится. Держать на медленном огне часа, скажем, два. Можно и три – результат будет не хуже.

– А вкусно?

– Вкусно ли, ты скажешь мне сам, когда попробуешь.

– Что у нас есть еще?

– Хлеб и вода.

– И только?

– Этого вполне достаточно, но есть еще, конечно, молоко для тебя, а также орехи, миндаль и изюм. Если хочешь, потом можешь полакомиться.

– Ты, видно, не любишь, чтобы на столе было много разной еды?

– Вот именно. Когда перед человеком ставят несколько различных блюд, это значит, что он ни одного не отведаст с надлежащим толком.

Отец поставил на стол две тарелки с тушеной фасолью, мы сели, и тут он вдруг удивил меня – сложил на груди руки и свесил голову.

– Что с тобой?

– Бог. Иногда, как мне думается, не лишено смысла вступать в разговор с Богом или хотя бы делать такого рода попытку.

– Ясно.

Отец не проронил ни слова в течение минуты, а потом сказал «аминь».

– Ты помолился?

– Да.

– И что ты сказал?

– Не знаю. Ничего, пожалуй. Давай есть.

Лоза

Мы принялись за еду, и она оказалась очень даже вкусной. Это была всего только какая-то фасоль, но вместе с чесноком и прочими приправами она превратилась в нечто гораздо более интересное, в нечто гораздо большее, чем те маленькие, твердые, сухие зерна, которые я высчитал из мешочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.